ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Одна из сельчанок, прочитав рассказ о войне, решила поделиться с автором своими воспоминаниями о военном и послевоенном житье на донском хуторе.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«НА КОГО ТЫ НАС КИНУЛ…»

В невеликом нашем поселке впридачу к давнишней уже «районке» нынче целых четыре газеты объявились. Порою они печатают мои рассказы, конечно же, у автора разрешения не спрашивая. Печатают, люди читают.

Недавно на улице подошла женщина, которую я знаю давно, но, как говорится, шапочно, лишь в лицо. А тут она подошла, говорит:

— Извините… Может, неудобно, но я сказать хотела. В газетке ваш рассказ прочитала. Там про военные годы. Я прочитала и так плакала, так плакала… Сейчас по телевизору про войну много говорят. Празднуют… — продолжила свою речь моя неожиданная собеседница. — И в рассказе у вас про те годы… как было… Я прочитала и плакала. Так плакала. Маму вспомнила. Нашу жизнь. Вы не торопитесь? Можно, я расскажу…

Мы на хуторе жили. Папа ушел на войну, и его убили. Мы остались. Сестренка, совсем малая, мамочка и я. У нас возле хутора самая битва была. Про нее теперь все говорят — Сталинградская битва. Так страшно было: стреляют, бомбят. Немцы пришли, потом — наши. Мамочка в огороде окоп выкопала. Там мы спасались. Сестренка боялась бомбежки. Всегда плакала.

Потом наши пришли. Но жизнь была очень трудная. Все плохо жили.

А потом война кончилась. Колхоз был. Но жили бедно. У нас на хуторе — старики, бабы да детвора. А мужиков немного с войны вернулось. Один бригадиром был, другой — лесничим. Я их не забуду до конца жизни. И когда рассказ ваш читала, свое вспомнила. Сестренку, мамочку нашу. И плакала.

Голод был. Из лебеды — щи варили. Вязовые листья запаривали, это каша. Козелик, китушки, скорода… А хлебное — это желуди. Их вымачивали, толкли и пекли джуреки, пышки такие.

У нас дубы росли в займище. Но желуди запрещалось собирать. За это штрафовали. Лишь ночью, потаясь от лесничего. Если сумеешь. А я однажды шла из займища и увидала — возле дуба ветка лежит. Большая ветка, тяжелая, желудей много. Видно, ветер обломил. Я подняла и понесла домой ее. Я ведь не ломала. Она на дороге лежала. Это ведь не кража.

Иду, тороплюсь. Мамочка будет рада: желудей много на

ветке. Спешу. А тут лесничий вышел со своего двора и говорит:

— Иди сюда.

Я испугалась, объясняю ему:

— Это лежала ветка, ее ветер сломил.

А лесничий молчаком ветку забрал и через забор кинул, в свой двор. Он свиней держал. Кормил желудями. Про это знали. Он мою ветку кинул, а потом сказал строго:

— Не приучайся воровать с детства.

Я испугалась, домой побежала, плакала. И мамочка со мной плакала. И сестренка тоже плакала. Хотя и не понимала ничего. Но смотрит на нас и плачет. А мамочка причитает: «Господи… на кого ты нас кинул». Это она о папе.

В те годы спасибо коровке: она нас спасала. Хорошая была коровка. Она и в упряжи ходила: пахали, возили на ней. Мы на свою коровку просто молились. Сенца старались добыть. А с сеном было трудно. Запрещалось косить. Только — колхоз. Но колхоз косил травокосками, а под кустами трава оставалась. Ее можно было серпом взять. Многие так делали. И мы — тоже. Но вроде потаясь. Потому что не разрешалось сено косить. Только колхозу. А вот под кустами… Ведь трава все равно пропадет. И мы пошли с мамой, чтобы травки добыть. Мама с серпом, а я ей помогаю: ветки поднимаю, чтобы ей было ловчее, траву в кучки складываю. И у нас две хорошие кучки получились. У мамы, конечно, побольше. Веревками перетянули и понесли. Мы несем, а навстречу, как на грех, едет бригадир на подводе. Увидал нас, остановился и наше сено забрал. «Не имеете права», — сказал. И наше сенцо — в телегу. Сел на него и покатил. Веревки, правда, не отобрал. Тогда было трудно с веревками, с мешками. Со всем было трудно, — заканчивала свой рассказ моя собеседница. — Мы с мамой пошли домой. И так плакали, так плакали. И сестренка, глядя на нас, тоже плакала. А мамочка причитала: «На кого ты нас кинул…» Это она о папе. Ведь у кого вернулись отцы, тем жилось легче. Мужик, он и есть мужик. А у нас на хуторе мало с войны вернулось… Потому и жилось трудно. Так трудно… Рассказ ваш прочитала, все вспомнила. Так плакала, так плакала…

Обычно когда мне порой читатели пишут ли, говорят про слезы, то я, как бы извиняясь, спрашиваю: «Но ведь светлые были слезы?» Порой соглашаются. Но вот здесь, но теперь этой женщине я ничего не сказал. Лишь вздохнул.

Мы попрощались и разошлись. Наш поселок не больно велик был в прежние времена. Все и всех знали. Теперь иное. Но старые старых помнят. И старое помнят. Порой, как сейчас, оно поднимается. Нынче про войну много говорят. Празднуют,

поздравляют. Венки, цветы, ленточки… Но бывают слезы. Горькие. Потому что была война.